
Сильвестр Щедрин. 1818 год. Италия начинается в Венето.

Новые документы о русском академическом пенсионерстве начала XIX века

Михаил Евсевьев

Публикация вводит в научный оборот несколько текстов, связанных с подготовкой, организацией и начальным этапом поездки в Италию в 1818 году группы пенсионеров Петербургской Академии художеств. В составе группы был известный русский пейзажист Сильвестр Щедрин. Публикуется его письмо из Венеции и фрагмент путевого дневника художника.

Ключевые слова: Петербургская Академия художеств, академическое пенсионерство, Сильвестр Щедрин, Антонио Канова, Италия, Венеция, письмо, дневник, устав.

С момента возникновения Академии художеств пенсионерство (право на завершение образования при Академии или за границей для наиболее талантливых выпускников) носило уставной характер. Положение о пенсионерстве сформулировал основатель, куратор и первый президент Академии граф И.И. Шувалов в п. 9 проекта Регламента академии (1763), представленного им Екатерине II. «Дабы искусство в лучшее еще привести состояние, то Мы, – говорится в нем, – дозволяем из оной академии посылать в чужие края из наших подданных по шести человек тех, кои отлично себя успехами и прилежностию оказали, и чрез четыре года их переменять. По возвращении же их определять в академию»¹.

В екатерининском уставе (1764) число пенсионеров, посылаемых в иностранные государства, по сравнению с шуваловским регламентом было увеличено до двенадцати (цифра, как показало время, явно завышенная), а срок пенсионерства определен в три года². По уставу 1802 года число пенсионеров сократили вдвое, а трехгодичный срок поездки (ст. 8) стало возможно увеличивать на один-два года (ст. 9)³.

Из-за наполеоновских войн начала века, Отечественной войны 1812 года, европейской кампании 1813–1814 годов Академия художеств не могла направлять пенсионеров за границу; к 1817 году их

насчитывалось уже около тридцати, и жили они большей частью в «доме Академии». Ситуация изменилась, когда в 1817 году президентом Академии стал А.Н. Оленин⁴. Он, в частности, очень энергично взялся за решение вопроса о выезде пенсионеров за границу и к лету 1818 года подготовил группу из четырех выпускников, которая уже в июле, после пятнадцатилетнего перерыва, отправилась в Италию. Вместе с уехавшим в 1816 году на средства императрицы Елизаветы Алексеевны О.А. Кипренским она положила начало римской колонии русских академических пенсионеров, просуществовавшей более пятидесяти лет.

Ниже публикуется ряд неизвестных и заново подготовленных текстов, связанных с организацией и началом инициированной Олениным поездки молодых русских художников.

Письмо Антонио Кановы к президенту Петербургской Академии художеств от 27 июня 1818 года, которым знаменитый скульптор подтверждает согласие курировать академических пенсионеров во время пребывания их в Италии (№ 1).

Фрагмент журнала заседания Совета Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств (№ 2) позволяет увидеть, сколь изысканно русская Академия начала XIX века умела ритуализировать отправку молодых художников за границу (в «чужие края», так тогда говорили), обставив ее как весьма значительную акцию, имеющую серьезное воспитательное значение.

Впечатление от церемониала «напутствия» усиливается «наставлением» Совета Академии, подписанным (а скорее всего, и составленным) президентом А.Н. Олениным (№ 3). Оно высвечивает особенности художественной политики Академии, черты патернализма, которые были присущи академическому образованию.

«Подписка шкипера Г. Вихардса» (№ 4), подрядившегося доставить пенсионеров из Петербурга в Свинемюнде, свидетельствует о существовании и характере договорных отношений, на которые мог рассчитывать европейский образованный путешественник начала XIX столетия. Документ облечен в живую, изобилующую любопытными подробностями форму.

Далее публикуется отрывок из письма Сильвестра Щедрина к родителям, датированного 5 марта 1819 года (№ 5), о плавании от Триеста до Венеции и о венецианских впечатлениях.

Заметим, что Сильвестр Щедрин – один из немногих русских художников начала XIX века, который оставил большое эпистолярное наследие (более 150 писем). Они сохранились в архивах его адресатов: младшего брата Аполлона⁵, известного архитектора и «теоретика строительного искусства», и ближайшего друга – скульптора Самуила Гальберга⁶. Почти все эти письма присланы из Италии. Они весьма интересны не только описаниями памятников древности и художественных сокровищ Италии или красот ее природы, но и тем, как русский

художник увидел и увлекательно рассказал подробности жизни, которые он наблюдал в этой стране в двадцатые годы XIX века. Читая письма Щедрина, слышишь голоса того времени. Итальянская жизнь как бы перелилась в щедринские тексты, сохранившись во всей полноте и многоцветии.

Письма С.Ф. Щедрина не раз привлекали внимание русских исследователей. Первое издание нескольких его писем относится к 1866 году⁷. В 1932 году А.М. Эфрос опубликовал письма Щедрина к родителям и брату⁸; в 1978 году Э.Н. Ацаркина – его письма к Самуилу Гальбергу⁹. Наконец, автор этих строк подготовил к печати первое полное собрание всех текстов Сильвестра Щедрина (писем и донесений Академии художеств) в собственной редакции¹⁰.

Поскольку письма художник писал из Италии, то нет ничего странного, что переводы некоторых из них были там опубликованы. В частности, эпистолярным наследием С.Ф. Щедрина интересовался энтузиаст исследований итальянско-русских контактов в области художественной культуры Этторе Ло Гатто¹¹.

«Венецианский» фрагмент письма от 5 марта 1819 года публикуется здесь по подлиннику в редакции, близкой к грамматике Сильвестра Щедрина, с исправлением и комментированием ошибок (большинство которых носит смысловой характер) издания 1932 года. Русская грамматика начала XIX века отличалась от современной значительной свободой, даже неустойчивостью грамматических норм. Отправившись в Италию в 1818 году, Щедрин увез и сохранил эти грамматические особенности, поскольку в Россию уже не вернулся. Его архаизмы – реликты, архив грамматики начала XIX века допушкинского периода. Он никогда не использует «Э» оборотное, только «Е»; как знак сокращения постоянно ставит двоеточие «:»; вместо «если» всегда пишет «естьли»; вместо «впрочем» – «впротчем»; «новинкая», «большая», «маминка» – все дает без мягкого знака «Ь» и т. д.

Предыдущие русские издания (особенно издание 1978 года) не особенно старались сохранить характер щедринской орфографии. Впрочем, это тот случай, когда близость редакции текстов к подлиннику заставляет думать, что неадаптированные к современным грамматическим нормам старые тексты едва ли могут быть переданы без некоторого неизбежного упрощения.

Завершает подборку текстов отрывок из так называемой «дневной записки» Сильвестра Щедрина (№ 6), которая есть не что иное, как доклад академического пенсионера альма-матер, оформленный в виде путевого дневника, зафиксировавшего увиденное за время поездки через Европу в Италию. В записках служебного характера Сильвестр Щедрин более дисциплинирован и рассказывает академическому Совету главным образом о памятниках древности, об архитектуре и живописи Венеции и Падуи, а не о разнообразных впечатлениях от итальян-

ской жизни. «Дневная записка» была опубликована единственный раз Э.Н. Ацаркиной¹². Комментируемый здесь фрагмент печатается по подлиннику, с устранением ошибок первой публикации, некоторые из них носят смысловой характер, в редакции (как и по отношению к предыдущему тексту), более близкой к грамматике подлинника.

Отдельный вопрос, почему в художественном наследии мастера отсутствуют виды Венеции. Нет оснований полагать, что Венеция художнику не нравилась. «Я помню, – пишет он родителям, – как покойной дядюшка водил меня в Эрмитаж еще малинкова, пропуская все картины, я останавливался только смотреть одного Каналетта, претставте же мое восхищение видеть все это в натуре»¹³. Тогда в чем же дело? Трудно сказать...

Сильвестр Щедрин родился в Петербурге, а умер и похоронен в Сорренто. Он уехал из России в 27 лет. Италия стала для него второй родиной, которая начиналась в Венето. «Пора уже выехать из Венеции. Вотюрин нанят для нас консулом, итак, сели в карету и полетели в Падую по дороге гладкой и прекрасной своими виллами, и тут мы совершенно очутились в Италии...»¹⁴.

1

Антонио Канова – президенту Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств Алексею Николаевичу Оленину

Рим, 27 (15) июня 1818 года¹⁵

Signore,

Ho ricevuto la lettera, che Ella per sua cortesia mi scrisse il di 23 ludlio dell'anno corrente, col dirigermi 4 giovani alunni di Belle Arti, che si sono inviati a Roma da codesta PI Accademia. Io sono molto grato all'onore che Ella mi fa, col raccomandare a me particolarmente questi bravi allievi, e posso assicurarla che incontrero ben volentieri qualunque cura e uffizio a di loro vantaggio.

Desidero quindi essere adoperato da essi, onde confermare coll'effetto la sincerità di questi miei sentimenti, e provare insieme anche a Lei, quanto care mi sono le commissioni, di cui le piace onorarmi.

La prego a confermarmi la sua preziosa benevolenza, e credermi in tutta la più distinta considerazione.

Di Lei Chiarissimo Sig. Presidente Ossequente servitore
Ant. Canova

Roma, 27 giugno 1818¹⁶

РГИА. Ф. 789. Оп. I. Ч. I. Д. 2792. Л. 48. Подлинник.

2

Из журнала собрания Совета Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств

С.-Петербург, 23 июля (4 августа) 1818 года

Как сие число назначено было для отправления отсюда посылаемых ныне Академиею в чужие края пансионеров, то для напутствия их, по обыкновению Греко-российской Церкви, отправлено было молебствие с коленопреклонением для испрошения им Божией милости и благословения во время их странствия и пребывания вне отечества. По окончании же божественной службы, при коей находились Президент с членами Академического Совета¹⁷ и все воспитанники Академии, священник читал отправляющимся в путь приличное поучение относительно к их обязанностям, которыя они должны исполнять в землях иноверных, как в звании христиан Греко-российской Церкви, так и в звании российских подданных. После сего поучения священник благословил их в путь и окропил святою водою.

Исполнив таким образом обряд веры, Президент и члены Академического Совета пошли в обыкновенную присутственную залу. <...>

В заключение сего заседания призваны были в присутствии посылаемые ныне в чужие края пансионеры Академии: Самуил Галберг, Василий Глинка¹⁸, Сильвестр Щедрин и Михайло Крылов¹⁹, также бывший сей Академии воспитанник Василий Сазонов²⁰, отправляющийся в Италию на иждивении г-на Государственного Канцлера²¹ для дальнейшего усовершенствования в живописном художестве. По объявлении им сделанных сего числа на счет их определений Совета и по прочтении из них первым четверем наставления, которым Совет сей Академии признал нужным снабдить каждого из них для руководства во время пребывания их в чужих краях, выданы им были деньги, определенные на путевыя издержки до города Рима. Чтож касается до паспортов для выезда им за границу и до рекомендательных писем, как от г-на Управляющего Министерством иностранных дел, так и от Президента к начальникам российских миссий и другим дипломатическим чинам в Штетине, Берлине, Дрездене, Вене, Венеции и Риме, то Президент объявил, что они получают оныя сего же числа у него в доме вместе с рекомендательными от

него письмами к находящимся в Риме художникам, принадлежащим к академическому сословию, а именно к Вольному общнику сей Академии г-ну маркизу д'Иския (Канове)²², к Советнику Академии г-ну Кипренскому²³ и г-ну Матвееву²⁴.

Алексей Оленин	Степан Шукин	Александр Варник
Александр Лабзин	Карл Леберехт	Александр Михайлов
Иван Мартос	Андрей Михайлов	Иван Гомзин
Феодос Щедрин	Федор Алексеев	Тимофей Васильев
Иван Прокофьев	Андрей Иванов	Николай Уткин
Григорий Угрюмов	Алексей Егоров	За конференц-секретаря
Михайло Иванов	Василий Шебуев	Александр Ермолаев

РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 1619. Л. 67, 69, 74 с об. Подлинник.

3

Наставление Совета Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств пенсионерам, отправляющимся в Италию

С.-Петербург, 23 июля (4 августа) 1818 года

Усмотренная в вас отличная способность к художествам убеждает Академию доставить вам средства к дальнейшему усовершенствованию ваших дарований для пользы и славы отечественной. Неусыпным попечением Государя Императора о благе общем вы уже получили от щедрот Монарших под руководством ваших наставников надлежащее предварительное образование, теперя остается вам самим довершить начатое.

Внимательное наблюдение лучших произведений знаменитых художников и неослабное старание, сколь можно, вернее изображать изящную природу по мере средств, представляемых для сего разными художествами, суть надежнейшие пути, по которым каждый живописец, ваятель, гравер и резчик на крепких камнях и металлах, могут достичь до совершенства. Ибо верное изображение природы есть первейшее достоинство в сих художествах и сим единственно прославились величайшие в тех художествах мастера.

Одно зодчество не требует подражания Природе, потому что природа не произвела образцов для сего художества; оно принадлежит к изобретениям ума человеческого. Художник, посвятивший себя архитектуре, должен

единственно вникать в правила, опытом многих веков освященные, и на коих основана изящность сего художества, усматриваемая в лучших древних Греческих и Римских строениях.

Впрочем цель каждого художника, какого б рода ни было избранное им художество, долженствует состоять не токмо в том, чтоб сравниться с лучшими мастерами, но даже и превзойти их. Постоянное стремление достичь сей цели непрерывными упражнениями в избранном художестве есть надежнейший, или лучше сказать, единственный способ приблизиться к совершенству, достижению коего должны быть посвящены все труды ваши и помышления.

Академия открывает вам сие поприще, избрав вас из числа тех ея питомцев, которые честным и похвальным поведением, а при том и успехами в художествах пред прочими себя отличили, вы удостоены Академиею звания ея пенсионеров и в сем качестве, на ея иждивении, имеете быть отправлены в чужие края.

Хотя в отечестве нашем есть уже достойные художники и многия произведения во всех родах искусства для руководства молодых художников; но как теперь, при данных вам началах, лучшими для вас учителями должны быть собственные ваши наблюдения, могущия возродиться при рассматривании изящных произведений художеств, коими иностранныя государства, и особенно Италия, изобилуют, то в оных вы найдете более пособий для вашего научения и более предметов для соровнования. Для сего вам нужно будет сколь можно чаще посещать знаменитыя собрания художественных произведений в живописи и ваянии, мастерския известнейших художников и лучшия памятники зодчества.

Академия постарается облегчить вам доступ к первым посредством рекомендательных писем к начальникам российских миссий при иностранных дворах, к известнейшим в чужих краях художникам и особенно к тем, кои, принадлежа к Императорской Академии художеств в звании ея сочленов, без сомнения, примут в вас, как в ея питомцах, живейшее участие и могут представить вам случаи для упражнения и оказания ваших дарований.

Срок для пребывания вашего в чужих краях, согласно со штатом Академии, полагается трехгодичной; оставлять вас там долее сего времени на казенном иждивении было бы не токмо отяготительно для казны или стеснительно для вас, если бы, во избежание новых издержек, опреде-

ленная для вас на три года сумма была рассрочена на большее число лет, но даже не принесло бы вам никакой пользы. Ибо, если вы не будете проводить время в праздности, а посвятите оное единственно упражнению в избранном вами художестве, то 3 года весьма достаточны для вашего усовершенствования. Высшая же степень совершенства, к которому истинный художник всегда должен стремиться, не иначе может быть достигнута, как долговременною практикою.

Для содержания вашего в чужих краях по штату 1802-го года назначено в год по 800 р., да на проезд в каждый путь по 400 р., и того в три года 3 200 р. ассигнациями; но Академия, имея о вас, как об отличнейших из ея питомцев, нежнейшее попечение, чрез усердное предстательство г-на министра духовных дел и народного просвещения у всемилостивейшаго Нашего Государя, испросила для вас от щедрот монарших на сей 1818-й год значительное прибавление к штатной сумме. В следствие того, при отправлении вашем отсюда, на путевыя издержки до города Рима, который назначается местом вашего постоянного пребывания, вы получите, вместо положенных по штату 400 руб., 800 р. ассигнациями; а со дня прибытия вашего в Рим имеет быть производимо на ваше содержание ежемесячно, под ваши росписки, вместо назначенных по штату 67 р. 50 к. ассигнациями по 135 руб., которые будут вам выдаваемы по курсу²⁵.

Так как сия сумма весьма достаточна на содержание ваше, если вы умеренно и бережливо будете жить, то вы не токмо не должны входить в долги, но обязаны расходы свои соразмерять так, чтоб за оными у вас всегда оставалась еще в наличности некоторая часть денег, дабы с прибытия вашего в Рим все поездки, которые в последний год вашего пребывания в чужих краях вам нужно будет предпринимать в другие города Италии и даже в другие области и государства, вы могли производить из денег, выдаваемых вам на прожиток.

Обязанности ваши во время пребывания в чужих краях будут состоять в следующем.

Во первых: помня всегда с благодарностию щедроты монаршия, которыми вы пользовались, воспитываясь в сем императорском заведении, помня попечения, какия Академия о вас имела и ея старания о вашем образовании, вам должно вести себя так, чтоб честным поведением, благонравием и вежливостию заслуживать всегда одобре-

ние людей почтенных и уважаемых в публике; удаляться от обращения с людьми, коих поведение не согласуется с правилами строгой честности, и всеми мерами убежать короткаго знакомства с людьми развратными, хотя бы они и отличныя имели дарования: ибо безнравственность унижает и помрачает превосходнейшия способности. Одним словом, вам надлежит поступать так, чтоб никак и ничем не унижить имени русскаго, но стараться, добрым поведением и талантами, в мыслях каждаго оставить выгоднейшее о русских понятие.

Слышать об вас похвальные отзывы людей почтенных будет приятнейшим для Академии возмездием за приложенное ею об вас попечение.

Во вторых: для собственной вашей пользы вам должно более всего убежать праздности, но все ваше время посвящать единственно упражнению в избранном вами художестве. Где бы вы ни были, чрез какие бы места не проезжали, не оставляйте осведомляться о имеющихся там любопытных вещах, и особенно о лучших художественных произведениях, какого бы рода оне ни были, преимущественно же о тех, которыя в особенности принадлежат к избранному вами художеству, к которому вы особенную имеете способность. Старайтесь чаще видеть сии произведения, наблюдайте их со вниманием и не упускайте записывать без отлагательства в ваш журнал сделанныя вами наблюдения, чтоб оныя не могли быть забыты в течении времени.

В третьих: дабы Академия точно могла быть уверена, что вы с пользою употребляете ваше время, то вы обязаны, по прошествии каждой трети года, присылать в оную обстоятельные журналы вашего пребывания в чужих краях, донесения о ваших там упражнениях и о сделанных вами наблюдениях на счет виденных вами лучших художественных произведений, на каковой конец даются вам при сем формы для ваших журналов и донесений. Сверх того вы должны ежегодно присылать в Академию что нибудь ваших трудов в избранном вами художестве собственного ли сочинения, или копии со славнейших картин, статуй, бюстов и барельефов; в течении же трех лет непременно обязаны переслать сюда какое либо произведение собственного вашего сочинения.

Все посылки в Академию, как то: журналы, донесения и работы ваши, имеете вы всегда пересылать чрез банкиров, к которым будете адресованы, и именно чрез г-на банкира Торлония²⁶ и комп.

Поелику же опыт доказал, что не все питомцы Академии, посылаемые ею в чужие края, исполняли в точности им предписанное, то, дабы сего и с вами не могло последовать, Академия признает нужным в предосторожность вашу объявить вам, что если, сверх ея чаяния и вопреки доброму о вас мнению, вы будете поступать в чем либо против сего наставления, как то: не станете присылать за каждую треть года обстоятельных журналов и донесений о ваших упражнениях, или в течении года не перешлете ничего из ваших трудов, а особливо, если будете вести себя не согласно с званием пенсионера Императорской Академии художеств, то при первом таком проступке отпуск суммы на ваше содержание непременно прекратится, вы будете лишены звания пенсионера Академии и дозволения оставаться долее в чужих краях, а получите токмо сумму для безотлагательного возвращения в Россию. В сем случае Академия для примера другим намерена поступать весьма строго и без всякаго послабления. Впрочем она надеется, что вы никогда не подадите ей повода прибегнуть к таковой неприятной для нее крайности; что ни в какое время и ни в каком отдалении вы не забудете верноподданнической преданности, которую обязаны вы иметь к великодушному Нашему Государю, коего щедротами открыт вам путь ко славе на поприще изящных художеств; что вы никогда не перестанете питать в душе своей благородного чувства любви к отечеству, к той земле, в которой вы увидели свет, где воспитаны и образованы; к тому краю, в котором живут ваши родственники, друзья, покровители, принимающие живейшее участие во всем до вас касающемся и всегда готовые вспомоществовать вам в ваших нуждах; к тому народу, между которым можете всегда найти верное пристанище и успокоение во время старости, в случае болезней и бедности, на что в чужой земле пришлец едва ли может полагаться. Сверх того Академия уверена, что вы, как истинные художники, одушевляемые чувствами благородными, никогда не унижитесь до того, чтоб могли столь рабственно прилепиться к обычаям и нравам чуждых народов, чтоб заглушить в сердцах ваших нежные чувствования и, так сказать, врожденную привязанность к родному краю.

В заключение сего Академия желает, дабы вы всегда имели в памяти, что скромность в суждении о собственных способностях и должное уважение к талантам других художников есть принадлежность отличных дарований

и неразлучно сопряжена с истинным гением; презрение же к чужим талантам и мысль о своем пред всеми превосходстве, равно как и рабское в живописном и ваятельном искусствах подражание, не самой Натуре, но, так называемому, манеру какого либо, даже и знаменитого художника, есть не токмо вернейший знак недостатка в истинных способностях, но и непреодолимое препятствие для усовершенствования в художествах.

Президент А:Оленин
С:П:бург, 23 июля 1818 года

РО ГРМ. Ф. 56. Д. 4. Л. 1–6 с об. Подлинник.

4

Подписка шкипера Г. Вихардса
С.-Петербург, 20 июля (1 августа) 1818 года

Подписка

1818-го года июля 20-го дня, я, нижеподписавшийся, подданный Его Величества короля Пруссакого, уроженец и обыватель города Штетина, шкипер Г. Вихардс дал сию подписку Императорской Академии художеств в том, что обязуюсь я, на принадлежащем мне корабле Елизабет, перевезти отсюда в Свиномюнде отправляемых оною Академию в чужие край пенсионеров ея: гг. Самуила Гальберга, Сильвестра Щедрина, Василия Глинку и Михаила Крылова, также г-на художника Василия Сазонова. Во время переезда обязуюсь я довольствоваться их во время завтрака, обеда и ужина своим столом, то есть тою самую пищу и питьем, которыя сам употребляю, кроме вина и водки; чай и кофе, кто из них что пожелает, давать мне им каждый день два раза, то есть: по утру и после обеда. Для помещения же как их самих, так и принадлежащих им вещей дам я им собственную мою каюту. За все сие получить мне тридцать пять червонных (35 червонных) и именно половину здесь, при вступлении сих пассажиров на мой корабль, на который они обязаны явиться не позже, как во вторник ввечеру²⁷, а остальные в Свиномюнде при выходе их на берег.

Г: Wichards

Что сия подписка действительно подписана прусским уроженцем и обывателем города Штетина шкипером

Г. Вихардом, о чем он мне лично объявил, в том удостоверяю.

С:Петербург, июля 20 дня 1818 года,
С:Петербургскаго порта публичный нотариус
Александр Перкин

РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2792. Л. 39 и об. Подлинник.

5

Сильвестр Щедрин — родителям²⁸ (в С.-Петербурге)
Рим, 5 марта (21 февраля) 1819 г.

<...> 20 сентября мы увидели Триест, об котором я вам уже писал, но не помню, писал ли я вам нашу морскую дорогу в Венецию. Но беды нет большой, естли и повторю. 23 числа нам должно было отправится. Секретарь консула нанял нам баркас, и ночью должно нам вытянуться из канала, но не тут то было, сильной дождь и противной ветр заставил нас возвратиться в трактир. По утру нас разбудили рано, ветр был самой попутной; отплыли несколько верст, даже не потеряв еще и Триеста из виду, ветр переменился, и нас высадили на берег, где была только одна лачужка. На другой день отправились опять и очутились в гавани близ Пероны, нашедши на берегу трактир, в котором и жили 5 дней; в субботу по утру отправившись далее. Воскресенье уже остановились на якоре пред чудной и прекрасной Венецией, подехал гондолщик, и нас повезли в томожню, где осмотревши наши чемоданы, отправились мы в полицию, спросивши, где мы хотим остановиться, капитан за нас ответил, и нам подали план и разрез трахтира Белаго Лва²⁹ с росписанием цен, какия комнаты что стоят, что и можно выбрать по рисунку, и для путешественников весьма спокойно. Наконец, повезли нас в трактир, я с жадностию на все смотрел и не мог верить, чтоб мои желании могли так сбыться. Я помню, как покойной дядюшка водил меня в Ермитаж еще малинкова; пропуская все картины я останавливался только смотреть одного Каналетта, претставте же мое восхищение видеть все ето в натуре. В предосторожность знакомым, которых можете предупредить от безделничества гондолщиков, привезший нас в трактир потребовал платы по 3 франка с человека, то есть 12 франков со всех, мы удивились, но

видя что люди вокруг нас молчат, должны были заплатить, и еще столь были бесстыдны, что требовали на водку, между тем как у них положена цена правительством брать за один час франк, за другой пол франка, и так далее цена уже не возвышается, хотя б в гондоле сидело человек 5-ть. На другой день мы уже узнали свою ошибку, каждая гондола с номером, и естли донести правительству о таком безделничестве и объявить номер, то за ето их наказывают жестоко; но делать нечего, мы уже за полчаса заплатили 15 франков.

Переодевшись, кинулся на площадь С. Марка, великолепно устроенную: по обоим сторонам огромныя дома, наполненныя кофейными и другими мелочными, но блестящими товарами; лавки сии по вечерам ярко освещаются, множество народу всегда наполняют площадь; тут, сидя в кофейном доме, подойдет дама с корзинкою цветов и с жеманством подаст вам, естли не возьмете, то она сама положит вам на шляпу и в петлю фрака, тут же войдет гитарит, начнет играть, а женщина, стоя подле, поет с жестами и не всегда хорошо. Тут крик уродов хромоногих, сзывающих людей в театры и выхваляющих, как пиесу, так и сочинителя, крик разнощиков, куколников и протчих штукарей, и все ето прекрасно. Народ толпится в зад и в перед, в 9 часов некоторая часть идет в театры, а протчия скитаются до полуночи по другим улицам. Гулянье на площади можно назвать единственным в свете, тем более, что жители не имеют другога столь просторнаго места для гулянья. Но Венеция станвится скучною, когда сойдешь с площади, улицы тесны и неопрятны, сверх того толкотня и крик разнощиков подле самой головы надоест вскоре. Чтож касается до редкостей, то Венеция ими изобилует, церковь С. Марка великолепна, но вышина не отвечает ея пространству. Дворец Дожей грубой архитектуры; при всех недостатках сии здания поражают своею странностию и великолепием, и новейшая архитектура не могла бы дать того величия прекрасной площади.

Вот, Маминка, подлинно город чудесной, выстроенной, можно сказать, по средине моря, весь город пересекают каналы, к каждому дому можно подъехать в гондоле, ето ничто иное как лотка с обоих концов вострыя, по средине зонтик, под которым сидят, правилщик стоит на корме и гребет одним веслом с чрезвычайным проворством и искусством, и гондолы весьма легки для езды, обивают же их чорным сукном. Во всем городе не увидите ни какого

животного, исключая кошки да собаки, езды уже со всем нет, улицы так тесны, что два человека с открытыми парасолями³⁰ не пройдут, а в некоторых и один будет концами задевать за стены; а ни в одном городе я так не заблуживался как в Венеции, по вечерам в городе бывает дурной запах от морской воды, но немало не вредит здоровью, а в пищу употребляют воду дождевую, которая хранится в колодцах, в которыя она вбегает посредством труб проведенных, и, очищаясь чрез песок, она чиста и довольно вкусна, в случае же недостатка привозят с твердой земли; все улицы наполнены разными морскими гадами, рыбу же, которую нам подавали за стол, мне не нравилась, всегда имеет какой то тинюватой запах. Жить в сем городе весьма недорого, в сравнении с другими городами и подороже, но за то все лучше; мы платили за день по 6 франков с человека, с комнатой, услугой и очень хорошим столом, и самыя великолепныя залы окнами на прекраснейший Gran Canal. Женщины здесь ходят, покрывая головы на подобие наших купчих.

На другой день нашего приезда консул нам советовал взять лон-лакея³¹ для осмотра Венеции, и ето первой город, где мы ходили с лакеем, и сожалели, что не делали того в других городах, правда боялись тратить денги, но открылось ето гораздо дешевле и лучше. Первое повел он нас на высокою башню, которая находится на площади от кудова виден город, вход на самой верх по отлогому скату, из башни прошли мы во дворец Дожей, можно бы было расчувствоваться при сем случае, но я не поет. Введши нас в огромную тронную залу, на стене висит картина Тинторета в 74 фута венецианских, то есть во всю ширину сей залы, представляющая Рай; множество фигур и голов в воздухе мешают оную рассмотреть. Кругом сей залы находятся болшия картины Веронеза, Палма и Тициана, сюжеты взяты из побед венецианских над императором Барбароссою; над сими картинами, под фризом, находятся портреты дожей по порядку их правления, один только портрет Марин Фалиера закрыт черною написанною драпировкою с надписью его имени; известно по истории, что дож сей хотел захватить к себе верховную власть, но умысел был открыт, и ему отрублена голова на площади Св. Марка, где и место показывают. В етой зале есть несколько антических мраморов. Отсюда прошли мы в другия залы, где собирались сенаторы и другия чиновники и еще стоит кафедра, от кудова

производились диспуты; потолки украшены великолепно и есть хорошие плафоны, некоторые увезены были в Париж, хотя и были возвращены, но многие и лучшие со всем пропали. Тут же показывают картину, где руския послы приходят с дарами к дожу и все оне представлены в гишпанских костюмах³². Во дворце Барбаригов есть несколько картин Тициановых. Хозяин, которому принадлежат сии картины, сказывает, щеславясь, что картины сии нечищены со времен тициановых, боясь, чтоб их не испортить, за то оне так загрязнившись, что ничего нельзя видеть. У Пизани Моретта есть славная картина Пауль Веронеза, писанная им из благодарности одному господину, у которого он находился болен; по выздоровлении, чтоб отблагодарить, он написал оную тихонько, спрятав под постеля и скрылся. И отблагодарил с избытком представленная им фамилия Дария у ног Александры, напротив висит картина, представляющая Смерть Дария, написанная Пиацеттом.

Академия художеств наполнена слепками кановой работы, картин живописных немного, но прекраснейших: Св. фамилия Павла Веронеза есть образец живописи.

Дворец Монфроне более протчих в порядке, но за то нет таких блестящих картин; в доме Гримани есть кабинет антических мраморов в малом количестве.

Остальное время употребили на рассмотрение церквей, между которыми славится церковь Салюти билгеновой архитектуры. Церковь иезуитская своими мраморами и некоторыя церкви Палладия, как то Св. Георгия, Св. Симиона и греческая церковь Св. Георгия; мне более понравилась готическая церковь Св. Павла, где хоронились дожи, своею огромностию (люблю все по больше); смотрели тоже армянской монастырь, которой славится своею опрятностию и воспитанием детей, также типографией азиатских книг³³; один только сей монастырь уцелел от контрибуции, налагаемой Наполеоном: как иностранцов, он их оставил в покое. Здесь мы не видали себе ничего полезного, кроме что вписали свои имена в книгу, да спасибо монахам, все показывают, а денег не берут.

Но пора уж выехать из Венеции. Вотюрин нанят для нас консулом, итак, сели в карету и полетели в Падую по дороге гладкой и прекрасной своими виллами, и тут мы совершенно очутились в Италии. <...>

6

*Сильвестр Щедрин. Из «Дневной записки»
для Петербургской Академии художеств*

Рим, 6 марта (22 февраля) 1819 г.

Сентября 29-го. Прибыли в прекрасную и вместе живописную Венецию и 30-го числа начали рассматривать достопамятности сего города. Пройдя на площадь Св. Марка, великолепно обстроенную по обеим сторонам огромными зданиями, я увидел церковь Св. Марка и Дворец Дожей, строение хотя архитектуры неправильной, но при всем том поражают с первого взгляду своею огромностию. Вошедши во Дворец Дожей, где нас ввели в Тронную залу, первый предмет есть картина Тинторета, представляющая Рай, единственная в свете своей величиной, писанная на холсте, она имеет в длину 74 венецианских фута. Художник трудился над оною семь лет, невозможно рассмотреть множество фигур и голов, смешивающихся в воздухе одних с другими. Кругом сей залы, под фризом, находятся грудные портреты дожей, поставленные по порядку их правления, но место, где должен быть портрет дожа Марин Фалиера, закрыто написанною черною драпировкою с означением его имени. Известно, что дож сей хотел захватить к себе верховную власть, но умысел был открыт и ему отрублена голова на площади Св. Марка. Под портретами находятся большия картины Павла Веронеза, Палма младшего и Тициана, болшою частию представляющая победы Венеции над императором Барбароссою, посередине залы поставлены в небольшом числе античeskия мраморы. Отсюда провели нас по другим залам, потолки коих украшены плафонами, котория были увезены в Париж, хотя некоторыя и возвращены, но самыя лучшия пропали.

Октября 1-го. Входили в Дом Барберигов, где жил Тициан. Хотя в сих комнатах и находятся труды сего славнаго художника, но картины загрязнивши так, что едва можно рассмотреть некоторыя предметы. Вообще, в Венеции картины от дурного за ними присмотра нельзя видеть, притом же лучшия произведения находятся в церквах, где к ним обыкновенно так близко ставят зажженныя свечи, что оне от жару и копоти совсем испортились.

Октября 2-го. Рассматривали галерею в Академии, где видел прекрасную картину Тициана Взятие Божией Матери на небо и другую Павла Веронеза, представляющую

Св: фамилию. Последняя показывает, до какой степени совершенства в живописи человек достигнуть может. Божия Матерь сидит на некотором возвышении, держа Божественного Младенца, которой, наклонясь к Иоанну, протягивает руку, как будто хочет от него принять знамя, внизу стоят Св: Иероним, Св: Жюстина и Св: Франциск. Сия картина написана легко, тон приятной и ракурсы соблюдены совершенно.

У Пизани Маретта находится другая его картина, на которой представлена фамилия Дария у ног Александра, и которой он воздал дань благодарности за гостеприимство и призрение во время болезни, им найденное у одного семейства. Картина сия хотя имеет недостаток в рисунке и хотя в ней не соблюдена одежда того времени, ибо все одеты в гишпанския платья, но при всех сих погрешностях она поражает какою-то приятностию, которую трудно отыскать у других славнейших художников. Против висит картина Пиаетта, представляющая смерть Дария, которой краски, к сожалению, потерпели от времени.

Октября 3-го. Были в галерее Монфрина. Сие небольшое картинное собрание более всех в порядке, здесь находятся четыре ландшафта Дидриха, представляющия тивольские виды, оне написаны тщательно, но натура мало копирована. В галерее сей находятся Каналетта два вида венецианских. Чтоб отдать всю справедливость искусству сего художника, то должно быть в Венеции, чтоб их слычить с самой натурой. Сим заключаются все картины по ландшафтной части, виденныя мною на пути в Рим.

В церкви Св. Роха находится большая картина Тинторета Спаситель исцеляет больных, в сей картине много потеряно против находящагося в Петербургской академии ея эскиза, в котором колера лучше и свежее. Подле сей церкви находящаяся школа, где обучался Тинторет, вся уставлена огромными картинами сего художника, удивляющаго своими необыкновенными трудами, но все сии картины вовсе испорчены, одна только уцелела, на коей изображен Христос распятый с разбойниками, мерою 15-ть шагов. В сей картине, хотя и видно знание и талант художника, но она не делает никакого впечатления и колера не имеют блеску.

Остальное время употребил на рассмотрение церквей. Церковь Мадонны de la Salute, построенная по прожекту архитектора Лонгиена по прекращении бывшаго в Венеции мора, имеет над главным престолом группу, вырабо-

танную из мрамора с большим искусством и представляющую Божию Матерь, которую отчаянная Венеция в виде молодой женщины на коленях умоляет прекратить язву. Здесь также есть картины Луки Жордана, представляющие Рождество Богородицы, Введение во храм и Взятие Божией Матери на небо. В сих картинах приметна та скорость, с каковою он обыкновенно писал, не входя в подробности, оне прекрасны. Также плафоны Тициана Авраам, приносящий сына на жертву, Смерть Авеля, Давыд, умерщвляющий Голиафа. Кажется, сей славный художник не столь был способен писать картины на возвышения, его колер и кисть, слишком нежная, теряется в большом пространстве.

Октября 4-го. Выехали из Венеции. Дорога до Падуи плоская и прекрасно застроенная по обеим сторонам великолепными вилами и садами. Прибыв в Падую и, пользуясь коротким временем, я осмотрел церкви Св. Жюстины и Св. Антония Падуанского. В сих церквах нет картин, заслуживающих внимание. Также входили в залу ратуши, славящуюся своею величиной, коей стены расписаны внутри такими дурными фресками, которыя ее не украшают, а портят. Выехав из сего города и проехав Монилиси, Боллонию, Феррару, октября 9-го прибыли во Флоренцию, где и пожелали остановиться. Пробегая со скоростью прекрасное собрание антических мраморов и картинную галерею, я ничего не мог рассмотреть в подробности.

ОР РНБ. Ф. 542, Олениных. Д. 541. Л. 6–7 с об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования: В 3-х ч. / Под ред. и с примеч. П.Н. Петрова. СПб., 1864–1866. Ч. 1. С. 74.
- 2 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55 т. Т. XVI. СПб., 1830. С. 959 (Далее: ПСЗРИ. Собрание 2-е).
- 3 Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / Сост. С.Н. Кондаков. Пг., 1914. В 2-х ч. Ч. 1. С. 165 (Далее: С.Н. Кондаков).
- 4 Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) – писатель, художник, археолог, статс-секретарь и член Государственного совета, директор Императорской Публичной библиотеки, президент Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств (1817–1843).
- 5 Аполлон Феодосиевич Щедрин (1796–1847) – один из основных адресатов и адресантов Сильвестра Щедрина в 1825–1830 гг. См.: Аполлон Щедрин. Письма в Италию к брату Сильвестру. 1825–1830 / Сост. М.Ю. Евсевьев. СПб.: Бельведер, 1999.
- 6 Самуил Иванович (Самуил Фридрих) Гальберг (1787–1839) – неизменный корреспондент и адресат Сильвестра Щедрина, товарищ его по пенсионерской поездке. В 1818–1828 гг. жил в Риме, где совершенствовался под руководством Торвальдсена, присматриваясь, как пишет А.М. Эфрос, к Канове. Вернувшись в Россию (1828), преподавал в Академии художеств. Был женат на племяннице Сильвестра Щедрина Елизавете Васильевне Демут-Малиновской.
- 7 Рамазанов Н. Несколько писем Сильвестра Федосеевича Щедрина из-за границы // Художественный сборник. Изд. Московского общества любителей художеств / Под ред. графа А.С. Уварова. М., 1866.
- 8 Сильвестр Щедрин. Письма из Италии. Ред. А.М. Эфрос. М.-Л.: Academia, 1932.
- 9 Сильвестр Щедрин. Письма. Сост. Э.Н. Ацаркина. М.: Искусство, 1978.
- 10 См. также: Аполлон Щедрин: Письма в Италию к брату Сильвестру. 1825–1830 / Сост. М.Ю. Евсевьев. СПб.: Бельведер, 1999; Переписка Сильвестра и Аполлона Щедриных. Италия – Россия. 1825–1830 / Сост. М.Ю. Евсевьев. СПб.: Бельведер, 2001.
- 11 Lo Gatto E. Russi in Italia. Roma, 1970.
- 12 Ацаркина Э.Н. Сильвестр Щедрин. Письма. С. 17–27.
- 13 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва) – далее: ОПИ ГИМ. Ф. 457. Оп. I. Д. 29. Л. 10.
- 14 Там же. Л. 11 об.
- 15 В XIX в. в России длячисления времени использовался юлианский календарь (так называемый старый стиль), в Западной Европе – григорианский (новый стиль). Разница между ними составляла 12 суток. Поскольку среди публикуемых документов есть составленные в России и составленные в Италии, то, для удобства ориентирования во времени, и те, и другие датируются старым и новым стилями: вначале ставится собственная дата документа, рядом, в скобках, ее перевод на другой стиль.

- 16 «Синьор, я получил письмо, которым Вы любезно сообщаете мне, что 23 июля сего года Вы направляете четырех молодых учеников изящным искусствам, едущих в Рим от Петербургской [Императорской] академии. Я благодарю Вас за честь, которую Вы мне оказываете, рекомендуя их именно мне, и могу Вас уверить, что я с удовольствием буду заботиться об их пользе. Я очень хочу быть им нужным и подтвердить на деле искренность моих чувств и доказать Вам, насколько мне дороги Ваши поручения, которыми Вы оказываете мне честь. Пожалуйста, прошу Вас не оставлять меня Вашим драгоценным расположением и быть уверенным в моем глубочайшем уважении. Ваш, драгоценнейший синьор Президент, почтительный слуга Антонио Канова. Рим, 27 июня 1818 г.» (Перевод С. Сини.)
- 17 О составе академического Совета можно судить по лицам, подписавшим настоящий протокол. *Алексей Николаевич Оленин* – президент (см.: примеч. 4); *Александр Федорович Лабзин* (1766–1825) – вице-президент Академии (с 1818 года), писатель, масон. В 1822 году сослан Александром I в Симбирск за то, что на предложение избрать в почетные члены Академии нескольких сановников «близких особе императора» заявил на заседании Совета, что еще больше оснований для такого избрания у императорского кучера (который постоянно «близок» Александру I). Умер в Симбирске; *Иван Петрович Мартос* (1764–1835) – выдающийся русский скульптор, автор памятников Минину и Пожарскому на Красной площади Москвы (1818), герцогу Ришелье в Одессе (1825) и др., ректор Академии по скульптуре (с 1814 года), в 1773–1779 годах жил в Риме; *Феодос Федорович Щедрин* (1751–1825) – отец Сильвестра, известный скульптор, профессор и ректор (с 1818 года) Академии по скульптуре, автор «Венеры» (1794), «Нимф, несущих небесную сферу» для здания Главного Адмиралтейства в Петербурге (1810-е гг.), многих скульптур для фонтанов Петергофа и др. В 1773–1775 годы жил в Риме и Флоренции, в 1775–1785 годы – в Париже; *Иван Прокофьевич Прокофьев* (1758–1828) – скульптор, в 1779–1784 годы жил в Париже; *Григорий Иванович Угрюмов* (1764–1823) – исторический живописец, портретист, ректор Академии по живописи (с 1820 г.), в 1785–1790 гг. жил в Риме; *Михаил Матвеевич Иванов* (1748–1823) – живописец, руководитель батального (с 1800 г.) и пейзажного (с 1804 г.) классов Академии, один из учителей Сильвестра Щедрина. В 1770–1773 годах жил в Париже, в 1773–1776 – в Риме; *Степан Семенович Шукин* (1758–1828) – живописец, портретист, преподаватель Академии, в 1782–1786 годах жил в Париже; *Карл Александрович Леберехт* (1755–1827) – главный медальер Петербургского монетного двора, заведующий медальерным классом Академии (с 1800 г.); *Михайловы: Андрей Алексеевич* (1771–1849) и *Александр Алексеевич* (1770–1847) – архитекторы, профессора Академии; *Федор Яковлевич Алексеев* (1753/1755–1824) – пейзажист, первый мастер городского пейзажа в русской живописи, преподаватель Академии (с 1803 года). В 1773–1777 годах жил в Венеции, где занимался у Дж. Моретти; *Андрей Иванович Иванов* (1776–1848) – исторический живописец, «русский Веронезе», профессор Академии; *Алексей Егорович Егоров* (1776–1851) – живописец и рисовальщик, «русский

Рафаэль», профессор Академии, в 1803–1807 годах жил в Риме; *Василий Козьмич Шебуев* (1777–1855) – живописец, «русский Пуссен», профессор Академии, директор Императорской шпалерной мануфактуры (1821–1838). В 1803–1807 годах жил в Риме; *Александр Григорьевич Варнек* (1782–1843) – живописец, преподаватель портретной живописи, заведующий классом миниатюрной живописи в Академии. В 1804–1809 годах жил в Италии; *Иван Григорьевич Гомзин* (1784–1831) – архитектор, работавший с Адрианом Захаровым на строительстве здания Главного Адмиралтейства в Петербурге; *Тимофей Алексеевич Васильев* (1783–1838) – пейзажист, инспектор Академии; *Николай Иванович Уткин* (1780–1863) – известный гравер, профессор Академии. В 1810 г. распоряжением Наполеона получил золотую медаль за гравюру с картины Доменикино «Эней»; *Александр Иванович Ермолаев* (1780–1828) – художник-археолог, хранитель рукописей Императорской Публичной библиотеки, конференц-секретарь Академии, участник проекта полного издания русских летописей.

- 18 Василий Алексеевич Глинка (1790–1831) – архитектор, товарищ Сильвестра Щедрина по пенсионерской поездке. В 1818–1824 годах жил в Италии и Франции.
- 19 Михаил Григорьевич Крылов (1786–1846) – скульптор, в 1818–1825 годах жил в Риме.
- 20 Василий Кондратьевич Сазонов (1789–1870) – исторический живописец. Из крепостных графа Н.П. Румянцева, получивший в 1809 г., во время учебы в Академии вольную «в уважение к талантам». В 1818–1824 годах жил в Риме.
- 21 Имеется в виду граф Николай Петрович Румянцеv (1754–1826) – государственный деятель, дипломат, коллекционер. Картины, гравюры и рукописи, собранные Н.П. Румянцевым, составили основу знаменитого Румянцеvского музея (открыт в 1831 году в Петербурге, с 1862 года находился в Москве).
- 22 Почетным вольным общником Петербургской Академии художеств Антонио Канова был избран в 1804 г. Маркизом д'Иския он стал в 1815 г.
- 23 Орест Адамович Кипренский (1782–1836) – выдающийся русский художник, живописец и рисовальщик, в 1816–1822 и в 1828–1836 годах жил в Италии. Умер в Риме. Похоронен в церкви Сант-Андреа делле Фратте.
- 24 Федор Михайлович Матвеев (1758–1826) – живописец и рисовальщик, пейзажист. С 1779 г. жил в Риме. (В начале XIX века, возможно, какое-то время жил в России.) Автор многочисленных пейзажей Италии.
- 25 В двадцатые годы XIX века римское скудо стоило около 4–5 русских рублей ассигнациями.
- 26 Торлоний – имя римского банкира, которое неоднократно упоминается в письмах Сильвестра Щедрина и других пенсионеров. Очевидно, его банк обслуживал русских путешественников.
- 27 Вторник, о котором говорится в «подписке», приходится на 23 июля (старого стиля) 1818 года. Поскольку в этот день состоялись и академические и, как можно предполагать, домашние проводы пенсионеров, да еще нужно было добраться до Кронштадта (город-крепость и порт на о. Котлин в Финском заливе, в 29 км от Санкт-Петербурга), откуда отправлялось судно, то они опоздали

- прибыть к его отплытию. Отправились 29 июля, в понедельник, на судне, которое С.И. Гальберг в дневнике называет «*der gute Heinrich*».
- 28 Родители: Феодос Федорович и Мария Петровна Щедрины.
- 29 Публикуя в 1932 г. это письмо, Абрам Маркович Эфрос неправильно прочел название трактира как «Алого Льва», что не позволяло идентифицировать его с местом, где останавливались путешественники. (См.: Сильвестр Щедрин. Письма из Италии. М.-Л., 1932. С. 80). Трактир (гостиница) «Белого Льва» во дворце Ка-да-Мосто когда-то самый фешенебельный венецианский отель на Канале Гранде, в нем, в частности, в 1782 году инкогнито, под именем графов Северных, останавливались будущий русский император Павел I и его супруга Мария Федоровна во время путешествия по Европе.
- 30 Parasol (фр.) – зонт от солнца.
- 31 Lohn lakai (нем.) – наемный слуга, гид.
- 32 Этот факт не находит подтверждения. Возможно, как предположил А.М. Эфрос, С. Щедрин был введен в заблуждение гидом, который знакомил пенсионеров с Палаццо Дукале.
- 33 Армянский монастырь, о котором пишет Сильвестр Щедрин, находится на острове Сан-Ладзаро дельи Армени в Венецианской лагуне, он и сегодня действующий. Упомянутая типография функционировала еще в начале 90-х годов XX века.